

Олег Ернев

Маленькие комедии

Олег Аскерович Ернев

Маленькие комедии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27097177

Ернев О. А. Маленькие комедии: «АртЛайф»; Феодосия; 2016

Аннотация

Ернев Олег Аскерович – российский прозаик, драматург, либреттист. Член Союза писателей, Союза Театральных деятелей, Гильдии драматургов Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургского Союза Искусств.

С 1986 года печатается и ставится в театрах. Пьесы «Мы пришли» и «Когда Спящий проснется» прошли по многим театрам Советского Союза. Совместно с композитором Виктором Плешаком работает для драматических и музыкальных театров. Такие мюзиклы, как «Инкогнито из Петербурга», «Ночь перед Рождеством», «Женитьба» были поставлены во многих театрах России. Параллельно драматургической деятельности выпускает детские книги и прозу. Продолжает эту работу и поныне.

В книге представлены комедии в авторской редакции.

Содержание

Блеф	5
Выкуп	27
Горячий, горячий, слишком горячий	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Олег Ернев

Маленькие комедии

© О. Ернев, текст, 2015.

© ООО РА «Арт Лайф», 2015.

Блеф

Действующие лица:

Нина

Гусь, муж Нины

Чингачгук и Витек – друзья Гуся

Сцена первая

Дом Гуся. Гусь и его жена Нина. Гусь за столом, хлебает щи. Нина возится на кухне.

ГУСЬ. Нинка, долго там будешь кувыркаться?

НИНА. Клоуны в цирке кувыркаются. А у меня блины...
Чего надо-то?

ГУСЬ. А то не знаешь. После баньки я... Что мужику надо после баньки? Водочки выпить, закусить...

НИНА (*сердито*). Водочки... Мужики после баньки в прорубь ныряют, а ему водочки.

ГУСЬ. Давай прорубь – нырну. После проруби – оно того... водочка ещё лучше.

НИНА. Умный ты больно. Мне ребёнка обути, одеть надо. Еды купить. Тебя накормить. И хватит уже, надоело мне твоё пьянство.

ГУСЬ. Но-но, ты мне это прекрати. Рассуждать вздумала. Тоже мне: философ в юбке. Ты поллитра давай.

НИНА. Не будет тебе поллитра. Я борьбу за трезвость начинаю. Все силы на это положу.

ГУСЬ. Чего? Борьбу? За какую-такую трезвость? Где ты видела, чтобы после баньки русский мужик водочки не выпил? Я же не прошу у тебя ни коньяка, ни джина, ни этого самого... виски с содовой. Простой русской водочки. Неси и не рассуждай.

НИНА. Ты на президента нашего погляди: мужичок пусть ростом не велик, а дела какие вершит, погляди какой спортивный: он и в самолёте, и в подводной лодке, и на северном полюсе на собаках прогуливается. По дну моря, как водолаз, ползает. И в рот не берёт ни капли.

ГУСЬ. Ну, это ты врёшь.

НИНА. Ничего не вру. На лыжах с горы катается?

ГУСЬ. Ну, катается.

НИНА. Борьбой этой, как её... самбо что ли?..

ГУСЬ. Карате.

НИНА. Ну, карате... занимается?

ГУСЬ. Ну, занимается.

НИНА. Чего б тебе не заняться этой самой борьбой?

ГУСЬ. Ещё чего? Ему положено по статусу: он президент.

Он обязан быть здоровым и трезвым.

НИНА. А тебе что мешает?

ГУСЬ. А мне мешает... Черт её знает, что мне мешает. Жизнь мешает.

НИНА. Это как понять?

ГУСЬ. А вот как хошь – так и понимай. Скучно мне, Нинка. Если не выпью – тоска гложет. Смысла в жизни не понимаю. А без смысла жить не хочу.

НИНА. У тебя есть я, ребёнок, работа... Какого тебе ещё смысла надо?

ГУСЬ. Романтики мне надо. Хорошей душевной романтики, так, чтобы... дух захватило. Не романтичная ты у меня баба, Нинка. Нет в тебе этой самой... как её... поэзии.

НИНА. В тебе зато её много.

ГУСЬ. Во мне много. Только она внутри спрятана. Там, под камнями, как рак сидит.

НИНА. Чего ж как рак-то? Вылезла бы на свет Божий.

ГУСЬ. Ага. Вылезет, тут вы её и хватё... и голову ей оторвёте. А вот когда я рюмочку выпью, потом вторую – вот тут она робость свою теряет, головку высунет, усами пошевелит...

НИНА. Какими-такими усами?

ГУСЬ. Не важно... Ты бутылку неси.

НИНА. Ничего я тебе не принесу. Сказала – трезвость, значит трезвость. А нет – я с тобой чикаться не стану. Мигом президенту напишу и всё. Говорят, у него теперь свой сайт

есть. Я в этот сайт прямо по почте и пошлю. У меня вон и конвертик заготовлен. Всё опишу как есть, как ты выпиваешь, работу прогуливаешь, на сына рукой махнул... Пусть МЧС присылают и с тобой разбираются. Я закон вычитала, у меня всё по закону.

ГУСЬ. Но-но, ты это... того... Брось, Нинка.

НИНА. Ничего я не брошу. Буду вести борьбу за трезвость до конца.

ГУСЬ. Это до какого такого конца?

НИНА. Твоего или моего.

ГУСЬ. До конца, говоришь? Ну, ты у меня договоришься. Ты меня знаешь, Нинка. Мне плевать на твой закон и на твою борьбу. Я этой борьбы столько перевидал. Короче: или несёшь поллитра или...

НИНА. Ну?

ГУСЬ. Не нукай, рыдать будешь.

НИНА. Это с чего?

ГУСЬ. С того самого – повешусь я.

НИНА. Повесишься? Как?

ГУСЬ. Обыкновенно, как все порядочные люди вешаются. За шею.

НИНА. Врёшь.

ГУСЬ (*крестится*). Ей-Богу!

НИНА. Да что ты там крестишься? Ты ещё к иконке приложишься.

ГУСЬ. Я сказал. Моё слово мужицкое. Так что без шуток

мне. У меня нервы на пределе.

НИНА. У меня тоже. Водки не получишь. С этого дня – трезвость.

ГУСЬ. Не дашь?

Нина подносит ему кукиш.

ГУСЬ. Ну что ж, спасибо за доброту, за ласку. А только заплачешь крокодильими слезами.

НИНА. Как же. Уже реву.

ГУСЬ (*отодвинув тарелку*). Хорошо. Мы это запомним. Видела «Любовь и голуби»? Видела?

НИНА. Видела. Кто не видел-то?

ГУСЬ. Вот. Глубокая вещь. Там у них и любовь, и голуби. А у нас с тобой, Нинка, голубей нет, а теперь и любви не будет.

НИНА. Куда денется?

ГУСЬ. Куда – не знаю. А ты лучше скажи: где у нас верёвка?

НИНА. Верёвка-то? Сейчас.

Приносит верёвку, подаёт мужу.

ГУСЬ (*не ожидавший такого поворота дела, ошарашен*). Ну и быстра ты, мать...

НИНА. А чего тянуть? Решился – так вешайся. Уж лучше одной, чем с пьяницей.

ГУСЬ. Так ты хочешь, чтобы я...

НИНА. Это ты хочешь. А не хочешь – не вешайся. Только языком-то не трепи. А то: у меня слово мужицкое. А у меня слово женское: пить больше не будешь.

ГУСЬ. Ну, так и порешу себя.

НИНА. Давай-давай. Слышали эту песню с припевом.

ГУСЬ (*слегка помявшись*). Ну, ладно.

НИНА. Давай-давай, делай своё дело.

ГУСЬ. Ну, попомнишь ты меня.

НИНА. Да иди уже.

Потоптавшись немного, с тоской поглядев на верёвку, Гусь покидает комнату.

Сцена вторая.

Сарай неподалёку от дома, где живёт Гусь. Возле сарая – группа мужиков, среди которых Гусь. Идёт оживлённый спор. Активное участие в споре принимает одноглазый мужик по кличке «Чингачгук». Второй его глаз залеплен пластырем. На носу очки, которые всё время съезжают, отчего их постоянно приходится поправлять.

ЧИНГАЧГУК. А я тебе говорю: покупала. Сам видел в

магазине. Взяла литровую бутылку по скидке.

ГУСЬ. Да знаю я, что у неё всегда запас есть. Но она так прячет, сам чёрт не найдёт.

ВИТЁК. А ты бы лаской, лаской.

ГУСЬ. Какой лаской? Я уж и так, и эдак... Даже пригрозил, что повешусь. Даже перекрестился. Это не баба – скала. Пришлось пригрозить, что повешусь.

ЧИНГАЧГУК. А она?

ГУСЬ. Что она? Вот – верёвку дала. Иди, мол, и вешайся. Это что за жена такая: единственному мужу и верёвку совать.

ВИТЁК. Не любовное это дело.

ГУСЬ. Куда уж любовнее. *(Вытирает слёзы)*.

ВИТЁК. А ты бы лаской, лаской. Бабы – они ласку любят.

ГУСЬ *(отмахиваясь от него)*. Да что ты пристал со своей лаской.

ЧИНГАЧГУК *(попробовав верёвку)*. Хорошая верёвка. Качественная.

ВИТЁК *(тоже подёргав и осмотрев верёвку)*. Надёжный предмет.

ЧИНГАЧГУК. Альпинистское снаряжение.

ВИТЁК. Точно. Двоих выдержит.

ГУСЬ. К чему это ты?

ВИТЁК. Я к тому, что больно крепкая.

ГУСЬ. А нам-то что от этого? Нам выпить надо. Надо или не надо?

ВИТЁК. А то.

ЧИНГАЧГУК. Что значит – надо? Просто необходимо. У меня третий день трубы горят. Вот что, мужики, надо что-то придумать.

Долго сосредоточенно думают.

ЧИНГАЧГУК (*поправив очки, которые, чуть было, не соскользнули с носа*). Надумали?

ВИТЁК. Не выкристаллизовывается.

ГУСЬ. Кто?

ВИТЁК. Идея.

ЧИНГАЧГУК. Я тут кое-что надумал. А что, Гусь, не забоишься?

ГУСЬ. А чего бояться?

ЧИНГАЧГУК. Ты скажи сперва: не забоишься?

ГУСЬ. Да говори уже.

ЧИНГАЧГУК. В общем, есть план. Может сработать. Мужики, протрите локаторы.

Сближаются, как заговорщики.

Мы сблефуем.

ВИТЁК. Чего сделаем?

ЧИНГАЧГУК. Как в картах. У нас есть козырь. О! (*Трясёт верёвкой*). Пошли в сарай.

Сцена третья.

Сарай. Вваливаются Гусь, Витёк и Чингачгук. Без лишних слов Чингачгук, взяв валяющуюся в сарае лестницу, приставляет её к балке под потолком, перекидывает через балку верёвку, закрепляет её, потом делает петлю.

ЧИНГАЧГУК (*Гусю*). Ну-ка, примерь. Нормально?

ГУСЬ (*отшатываясь от петли*). Это ты мне брось. Я те не Зоя Космодемьянская.

ВИТЁК. Да нет, ты не понял: Зою фашисты, кажись, повесили, а мы...

ГУСЬ. А меня вы хотите повесить?

ЧИНГАЧГУК. Да ты не бойсь: всё по уму будет. Вот здесь сделаем надрез. Сейчас Витёк сбегает за Нинкой. Когда она придёт, ты прыгаешь и начинаешь болтать ногами. Только нормально болтай, чтоб правдиво всё выглядело, не очень лягайся. Она увидит эту картину маслом и будет в соплях. Бутылочка нам обеспечена. (*Напевает*).

Ой, бутылочка моя,
Ты бутылочка.
До чего ж тебя люблю,
Моя милочка.

Только жаль, что есть в тебе
Одна дырочка.
И ты быстро опустела,
Бутылочка.

Гусь и Витёк присоединяются.

Ах, бутылочка моя,
Ах, плутовочка.
Я же ниточка твоя,
Ты – иголочка.
Я козлёночек, а ты —
Моя козочка.
Я младенец твой, а ты —
Моя сосочка.

ГУСЬ. Погодите, мужики, я что-то не совсем понял: я что, должен по-настоящему, что ли, висеть?

ЧИНГАЧГУК. Ну как тебе сказать: чуть-чуть повисишь у неё на глазах, у Нинки-то, а потом верёвка лопнет, гляди, вот я её надрезал, и ты бац – к её ногам. Чьё женское сердце от такой душещипательной картины не растает?

ВИТЁК. Растает, как пить дать, растает. Она ведь у тебя ласковая, Нинка-то, хоть и сердитая.

ГУСЬ. А ты откуда знаешь?

ВИТЁК (*слегка смутившись*). Ну-у, она ведь... в теле. А

полненькие – они завсегда добрые.

ЧИНГАЧГУК. Хватит болтать. Давайте репетировать. Витёк, тащи вон тот чурбанчик.

Витек притаскивает чурбанчик для колки дров и ставит его под петлей.

(Гусю). Становись.

Гусь, обречённо вздохнув, забирается на чурбан.

Чего стоишь как на трибуне? Суй голову в петлю.

Гусь надевает петлю на шею, хочет что-то сказать, но Витёк, которому Чингачгук подал знак, выбивает чурбанчик из-под него, и Гусь повисает в воздухе, болтая ногами. Через пару секунд верёвка лопаётся, и он падает на землю. Встаёт ошарашенный, глупо улыбаясь.

ГУСЬ. Это... как его... мужики... Чё это было? А?

ЧИНГАЧГУК (хвастливо). Вот это и называется – блеф. Здорово, а?

ВИТЁК. Так это мы... того... Репетировали?

ЧИНГАЧГУК. Генеральный прогон, поняли? Пять секунд удовольствия и потрясающий эффект! Она растает, как Снегурочка, и побежит за заначкой. Эх, мужики, выпьем!

ГУСЬ и ВИТЁК (вдохновенно). Выпьем!!!

ЧИНГАЧГУК. Дуй, Витёк, к Нинке, кричи ей, что Гусь повесился. Стой, погоди, дай-ка я тебе в нос вдарю.

ВИТЁК. Чего?

ЧИНГАЧГУК (*бьёт его по носу так, что у Витька потекла кровь*). Вот так.

ВИТЁК. Да ты че? Кровянку мне пустил.

ЧИНГАЧГУК. Так надо, для пущей убедительности. Чтоб её испуг сильнее пробрал. Скажешь, что пытался спасти Гуся, а он тебе ногой врезал. Иди.

Витёк, задрав кверху голову, чтобы остановить кровь, с чувством важности своей миссии, покидает сарай.

ЧИНГАЧГУК. Падать не больно? Не ушибся?

ГУСЬ. Да, вроде, нет.

ЧИНГАЧГУК. Тогда начнём.

Сцена четвёртая.

Дом Гуся. Вбегает Витек.

ВИТЁК. Нина! Нина! Скорей!

Выходит Нина. Руки в мыле, халатик распахнулся, наполовину обнажив полные груди.

НИНА. Чего кричишь, петух горластый?

ВИТЁК. Нина, твой Гусь...

НИНА. Что мой Гусь?

ВИТЁК. Ну он... того... этого... В сарае...

НИНА. Что в сарае?

Витек заворожённо смотрит на её грудь.

ВИТЁК. Ох, Нинка, какие они у тебя... того... красивые...

НИНА. Кто?

ВИТЁК. Ну, эти... формы.

НИНА. Тьфу ты, бесстыжий.

Запахивает халатик.

ВИТЁК. Да не прячь ты, дай наглядеться, пока Гуся нет.

НИНА. Вот он тебе даст наглядеться.

ВИТЁК. Да я ведь так... для красоты, для эстетики.

НИНА. Тоже мне эстет выискался.

ВИТЁК. Так помнишь, когда мы с тобой за одной партой сидели, я же лучше всех рисовал. Ты меня ещё художником называла. Мне очень Рубенс нравился.

НИНА. Называла. Может, и стал бы художником, если бы водку не пил. Таланта у тебя много было.

ВИТЁК (*с тоской*). Да, Рубенс.

НИНА. Вот он-то, небось, водку не глушил, как ты со своими дружками. И Гуся мне испортили. А ведь тоже неплохой мужик был.

ВИТЁК. Да это я из-за тебя...

НИНА. Я-то чем виновата?

ВИТЁК. Спрашивает. А кто в тебя был влюблён? На сенокосе-то помнишь?

НИНА. Да уж помню. Еле от тебя отбилась.

ВИТЁК. Так ведь это... любовь. А ты Гуся своего выбрала. На свадьбе я у тебя и загулял и пошло, и пошло...

НИНА. Вам, пьянчужкам, лишь бы найти повод.

ВИТЁК. Эх, какие формы. Ты, Нинка, и сейчас хороша. Не будь Гуся – женился бы на тебе. (*Напевает*). Да чего же, до чего же я хорошеньких люблю.

НИНА (*смеясь*). Женился бы он. Ты меня спросил?

ВИТЁК. А чего тебя спрашивать? Ты же ласковая. И я ласковый. Я бы тебя... да я бы тебе кофе в постель по утрам. Цветами бы тебя осыпал, любое твоё желание... Эх, Нинка, сведёшь ты меня с ума.

НИНА. Можно подумать, он у тебя был.

ВИТЁК. Был, Нина, был. И талант был, сама говорила. Всё было. А теперь вот... И Гусь повеситься собрался. Видно, ты и его с ума свела.

НИНА. Кто повеситься?

ВИТЁК. Да Гусь твой в сарае вешается. Уже с верёвкой

стоит. Меня в кровь избил.

НИНА. Гусь? В сарае?

ВИТЁК. Ну да.

НИНА. Сомневаюсь.

ВИТЁК. Напрасно.

НИНА. Небось, опять что выдумали?

ВИТЁК. Да, вроде бы, нет. Вон видишь, кровь из носа текла.

НИНА. Да? Текла?

ВИТЁК. Ну, вот...

НИНА. Так что же ты мне тут турусы разводишь любовные, дурень несчастный.

ВИТЁК. Так ведь формы твои... Уж больно привлекательны.

НИНА. Пошли, формалист, посмотрим, что у вас там в сарае происходит.

Сарай. Чингачгук измеряет верёвку, отрезает кусок и откидывает его. Снова перекидывает верёвку через балку, укрепляет её, делает на конце петлю.

(Гусю). Примерь.

ГУСЬ (встав на чурбан, сует голову в петлю). Нормально.

ЧИНГАЧГУК (инструктируя). Главное – решительность,

страстное желание уйти в нихил.

ГУСЬ. Куда уйти?

ЧИНГАЧГУК. В Ничто. В Вечность. На Нинку – когда прибежит – ноль внимания. Не отвлекайся. Не разговаривай, когда она начнёт отговаривать и прочее. Её для тебя уже не существует. Ты уже там, в иных мирах. Понял? А когда рухнешь к её ногам, заплачь настоящими слезами. Мол, эх, повеситься человеку не дают, верёвки нормальной сделать не могут. Побольше эмоций. Важно, чтобы правда чувств была.

ГУСЬ (*вдохновенно, уже входя в роль*). Я понял. Будет.

ЧИНГАЧГУК. Не разорвалось бы у неё сердце от увиденного.

ГУСЬ. Это уж будьте уверены. Не разорвётся. За её сердце я отвечаю. Баба крепкая.

Слышен шум голосов у дверей сарая.

ЧИНГАЧГУК (*подтолкнув Гуся к чурбанчику*). Вставай! Идут! Вот, возьми нож. Размахивай им, если что.

Входят Нина и Витёк.

НИНА. Где он?

ВИТЁК. Вон стоит. Ой, уже голова в петле.

ЧИНГАЧГУК. Нина, скорей! Я с ним не могу справиться. Он у тебя помешанный буйвол. Нож у него. Чуть меня не

зарезал. Витька в кровь разбил.

НИНА (*оробевшая*). Гусь, ты что, правда, с ума сошёл? Слезай немедленно.

ГУСЬ (*воинственно размахивая ножом с головой в петле*). Стоять на месте! Не подходить!

НИНА. Это шантаж.

ГУСЬ. Нет, это прощание с бессовестной, бессердечной женщиной, которая довела до... Вон из сарая все!

ЧИНГАЧГУК. Да погоди ты, Гусёнок...

ГУСЬ. И ты вон! Все вон! Не дадите повеситься здесь, повешусь на чердаке. В реке утоплюсь. Из окна выброшусь!

НИНА. Из какого окна? У нас дом одноэтажный...

ГУСЬ. Молчать! Не рассуждать! Найду способ. Покиньте все сарай. И прощайте! Ухожу в эту... как её... в нигил. В вечность, то есть.

ЧИНГАЧГУК. Ну всё, это конец. Сейчас повесится. (*Нина, которая бросилась было к мужу*). Куда лезешь? Зарежет.

ГУСЬ. Прощайте! Простите, братцы, если что не так (*хочет поклониться, но петля не даёт сделать поклон*).

Бросив нож на пол, отталкивается от чурбанчика. Тот покатился по деревянному настилу. Гусь повис. Несколько секунд длится напряжённая тишина, в течение которой Гусь трепыхается в петле, дёргая ногами, ухватившись руками за верёвку. Наконец, опомнившись, Нина бросается к висящему «самоубийце», схватив нож с пола и чурбанчик,

ставит его рядом с болтающимся мужем, расторопно залезает на чурбанчик и перерезает верёвку. Гусь рухнул на Нину. Она его не удержала, и вместе они падают на пол. Чингачгук суетливо хлопочет возле них. Витек с растерянными разведенными руками застыл в этой позе, потрясенный происходящим. Нина и Гусь поднимаются с пола.

ЧИНГАЧГУК. Гусь, родненький, ты живой?

ГУСЬ. А ты меня уже похоронить хотел?

ЧИНГАЧГУК. Да что ты, что ты! (Машет руками). Я... я... веревочку-то того... надрезать забыл.

ГУСЬ (потирая шею). Забыл?

ЧИНГАЧГУК. Забыл. Зарепетировались мы с тобой. В генеральной репетиции не забыл, а как в действие перешло — из памяти вон.

ГУСЬ. Пить со мной, так память не подводит, а как...

НИНА. Ах, вот оно в чём дело? Репетировали? Разыграть меня решили, чтоб расчувствовалась, поллитру вам выставила?

Поворачивается к Витьку и с размаху даёт ему в нос. У того снова потекла кровь.

ВИТЁК (захныкав). Да за что?

НИНА. За то самое. Вестник несчастный! Скорей, Ниночка! Бегом! Не успеем! Уже повис!

ВИТЁК (*задрав голову к потолку*). Почему физическое воздействие в отношении одного меня применяется?

ГУСЬ (*передразнивая Витька*). А ты её лаской, лаской. Сам же сказал, что она женщина полная, а толстушки все хорошие.

НИНА. Ах, я ещё и толстوشка? (*Снова замахивается на Витьку. Тот отскакивает от неё*). Значит так. (*Направляется в угол сарая и достаёт из тайника поллитровую бутылку*). Вот вам ваша ценность и жизненный ориентир. Пейте на здоровье. А ты, Гусь, можешь домой больше не приходить. Я с тобой развожусь. Если вот это тебе дороже, чем жена, семья, работа... живи с этим. Сына будешь видеть по выходным дням. Не знаю, как твоё мужицкое слово, но мое, женское, я сдержу.

Ставит бутылку на пол и выходит из сарая. Пауза. Чингачгук вытаскивает из кармана всегда находящиеся там на всякий случай стаканчики и, откупорив бутылку, разливает.

ЧИНГАЧГУК. Мужики, это надо отпраздновать.

ГУСЬ (*хмуро*). Что отпраздновать?

ЧИНГАЧГУК (*смущённо*). Ну... живой же остался.

ВИТЁК. Так что, пьём?

Стоят с поднятыми стаканами. Пауза, в течение кото-

рой Гусь о чём-то напряжённо думает.

ЧИНГАЧГУК. Чего задумался?

ГУСЬ. Погодите, мужики. Я вот что хочу сказать. Я ведь чуть и, правда, не погиб. Пока болтался там, между землей и небом, вся жизнь перед глазами промелькнула. А мелькать-то, оказалось, нечему. Вот Нинка всё на море просилась... Мы же ни разу на море не были. Мальчонка мой дельфинов не видел. Мы с вами водку пьём, а вон мужик на горных лыжах катается, на сверхзвуковых самолётах летает...

ЧИНГАЧГУК. Кто катается?

ГУСЬ. Неважно.

ВИТЁК. Да пусть катается. Водка стынет.

ГУСЬ. Цыц! Замолчи. Какая у меня Нинка справная бабёнка, работающая, хлопотливая.

ВИТЁК. Красивая. Знаешь, как на неё наш бухгалтер Чиркин заглядывается. Ух, говорит, мне бы такую жену.

ЧИНГАЧГУК. Точно. Облизывается, как кот на сметану.

ГУСЬ. А чего раньше молчали? Да я этого бухгалтера... Я смотрю, Витёк, и ты на неё заглядываешься.

ВИТЁК. Я-то?..

ГУСЬ. Ты-то.

ВИТЁК. Да я так... для чистой эстетики. Люблю красивые формы. Да ты не ревнуй, Гусёк, мы же с ней за одной партой сидели, на сенокосе вместе сенокосили...

ГУСЬ (*сердито*). Сенокосили... Я тебе посенокосу. Фор-

му он, видите ли, любит. Ты знаешь, люби... только подальше от Нинки. Иначе, глядите мне, мужики... Я, можно сказать, уже в вечности побывал. В нихиле. Мне теперь всё ни-почем.

ЧИНГАЧГУК. Да мы-то что, мы по-дружески.

ГУСЬ. Да уж хорош друг, нечего сказать: чуть на тот свет не отправил. Эх, собутыльнички.

Ставит чурбанчик под балку, поднимает с пола верёвку, забирается на чурбанчик, перекидывает верёвку через балку. Делает петлю.

Хорошая балка, надёжная. И верёвочка... не подвела. ВИТЁК. Ты, Гусь... ты чего? Опять, что ли, вешаться?

ЧИНГАЧГУК. Никак, спятил?

Гусь продевает голову в петлю.

ГУСЬ. Прощайте, братцы! Прощайте навсегда. Оставляю я вас и ваш (кивнув на водку) жизненный ориентир.

Подпрыгнув и оттолкнувшись от чурбанчика, пролезает в петлю всем туловищем и пошёл раскачиваться на верёвке, как на качелях.

Сделаю сынишке качели. А потом на море всей семьёй, а

потом – на горных лыжах, и на сверхзвуковом самолёте.

Громко хохоча, летает по сараю над застывшими с рюмками в руках бывшими собутыльниками.

Выкуп

Действующие лица:

Серебряков Константин

Серебрякова Елена Аркадьевна

Беляев Алексей Борисович

Сцена первая

Подвал, оборудованный под спортивный зал. Тренажёры, маты, шведские стенки и проч. Зал нерабочий. По залу ходит Серебрякова, женщина лет тридцати пяти.

СЕРЕБРЯКОВА. Нет, я должна выбраться отсюда... Выбраться во что бы то ни стало! Буду тренироваться, буду истязать своё тело... но ускользну от этих подлецов.

Садится на велотренажёр, яростно крутит педали. Дверь открывается. Входит Беляев.

БЕЛЯЕВ. Как вы себя чувствуете, Елена Аркадьевна?

СЕРЕБРЯКОВА. Издеваетесь? Как себя может чувство-

вать заложник? Долго вы ещё меня собираетесь здесь держать? У меня уже нервы сдают.

БЕЛЯЕВ. А вы не нервничайте. Муж ваш собирает нужную сумму. Сказал, что из-за кризиса никак не наберёт.

СЕРЕБРЯКОВА. А когда он наберёт? Я уже двадцать шесть дней у вас в заточении.

БЕЛЯЕВ. Не преувеличивайте, не двадцать шесть, а только двадцать четыре.

СЕРЕБРЯКОВА. Ничего себе – только.

БЕЛЯЕВ. С вами очень хорошо обращаются, вас не бьют, не издеваются над вами, мы люди корректные, воспитанные, у нас методы не террористические. Не мы же виноваты, что он так долго не может вас выкупить. Отдаст деньги и вы на свободе.

СЕРЕБРЯКОВА. Когда? Когда он меня выкупит?!

БЕЛЯЕВ (*пожав плечами*). Мы этого не знаем. Нам тоже не выгодно вас держать. Опасно. Мы за вас запросили недорого, всего-то пару миллионов. А вот если нас поймают, нам лет по пятнадцать светит, а кому и двадцать. Так что вы на нас не очень-то обижайтесь.

СЕРЕБРЯКОВА. А что мне делать?

БЕЛЯЕВ. Ждать. Как мы ждём. Хотите партию в шахматы?

Раскрывает шахматы на столике, расставляет фигуры.

СЕРЕБРЯКОВА. Могу я позвонить мужу?

БЕЛЯЕВ. Что толку? Мы вчера дали вам поговорить. Он сказал, что бегают по банкам. Выбирайте. (*протягивает руки*).

СЕРЕБРЯКОВА. Правая.

БЕЛЯЕВ. Ваш ход.

Играют.

СЕРЕБРЯКОВА. Вы меня плохо кормите.

БЕЛЯЕВ. Извините. На кормёжку денег нам не выделяют. Мы и так тратимся много. Думаете, легко вас спрятать было. Этот зал найти. Оплачивать охранников.

СЕРЕБРЯКОВА. Но не так же скупое, как вы. Каждый день — овсяная каша.

БЕЛЯЕВ. А кефир?

СЕРЕБРЯКОВА. Он как вода.

БЕЛЯЕВ. Обезжиренный. Берём самый дешёвый.

СЕРЕБРЯКОВА. Хоть бы фрукты какие.

БЕЛЯЕВ. Фрукты будете есть дома, когда отпустим. Сейчас большая проблема с финансами.

СЕРЕБРЯКОВА. Зря вы так пошли, я вам шах объявлю.

БЕЛЯЕВ. Ай-яй-яй! Это вы меня заговорили.

СЕРЕБРЯКОВА. Переходите.

БЕЛЯЕВ. Спасибо. Вот так пойду.

СЕРЕБРЯКОВА. Пожалуйста. Вам меня не жалко?

БЕЛЯЕВ. Жалко.

СЕРЕБРЯКОВА. Так накормите меня, если не хотите отпустить.

БЕЛЯЕВ. Не повторяйте одно и то же. Ждём денег.

СЕРЕБРЯКОВА. Вы посмотрите, во что я превратилась.

БЕЛЯЕВ. Не вижу ничего особенного. Меня больше интересует ваша игра. Откуда вам приходит мысль сделать тот или иной ход.

СЕРЕБРЯКОВА. Вы тоже неплохо играете. Небось, вы и разработали эту операцию?

БЕЛЯЕВ. Какую?

СЕРЕБРЯКОВА. Похитить меня.

БЕЛЯЕВ. Скрывать не буду, я.

СЕРЕБРЯКОВА. Долго продумывали?

БЕЛЯЕВ. Не очень. Посидел часик. Ничего же особенно-го. Есть похищения виртуозные. А здесь всё проще. Я съем вашего коня.

СЕРЕБРЯКОВА. Ешьте.

БЕЛЯЕВ. Не жалко? Съел.

СЕРЕБРЯКОВА. А я вот так.

БЕЛЯЕВ. Ничего себе. Тогда я сюда.

СЕРЕБРЯКОВА. Прощайтесь с ферзём.

БЕЛЯЕВ. Вот это ход. Но это я отвлёкся.

Телефонный звонок. Отвечает на вызов.

БЕЛЯЕВ. Да, это я. Я просил вас без нужды не звонить. А-а, понятно. Это не блеф? Мы договорились: никакой полиции. Иначе. Вы знаете, что её ждет. Это правда? Вам лучше не хитрить. Мы играем по правилам, но если... Хорошо. Передаю.

Передаёт трубку Серебряковой.

Одну минуту. И ничего лишнего не болтать.

СЕРЕБРЯКОВА. Здравствуй, дорогой. Нет-нет, всё хорошо. Не волнуйся. Когда ты меня отсюда вытащишь? Они меня не кормят. И...

Беляев выхватывает у неё трубку.

БЕЛЯЕВ. Так к чему мы пришли? Это уже лучше. Когда? Сегодня. Я перезвоню через десять минут. Будете действовать согласно моим инструкциям.

Отключается. На минуту задумывается.

СЕРЕБРЯКОВА. Что он сказал? Что? Вы сказали «сегодня».

БЕЛЯЕВ (делая ход). Кажется, сегодня наступит конец вашим злключениям. Он достал деньги. Я хожу вот так.

СЕРЕБРЯКОВА. Если я пойду вот так – вам шах.

БЕЛЯЕВ (*смахнув шахматы*). Конец игре.

СЕРЕБРЯКОВА (*удивлённо*). Вы сдаётесь? Это что-то новое.

БЕЛЯЕВ. Вы скрасили мне эти дни.

СЕРЕБРЯКОВА. Странно вы выражаетесь. Хотя я заметила, что вы вообще странный человек. Я думала, бандиты... Простите.

БЕЛЯЕВ. Ничего. Бандиты бывают разные.

СЕРЕБРЯКОВА. Вы из благородных бандитов. По-моему, наш новый век отличается звериной жестокостью, и вы в нём, какой-то... не знаю, как сказать.

БЕЛЯЕВ. А вы не думали, что вы мне внушили чрезвычайную симпатию? Вы не подумали о том, что вы меня, может быть, приручили, и мне тяжело будет с вами расставаться?

СЕРЕБРЯКОВА. Признаться, об этом я не думала.

БЕЛЯЕВ (*жёстко*). Ну, так подумайте. Я иду звонить вашему мужу. Готовьтесь к свободе.

Уходит, закрыв дверь на ключ.

СЕРЕБРЯКОВА. Не могу поверить! Невероятно! Боже мой, наконец-то! Наконец-то!

Садится на велотренажёр, яростно крутит педали.

Сцена вторая

Квартира Серебряковых. Серебряков и Серебрякова. Она в тренировочном костюме, ещё не переоделась. Роскошные букеты цветов. На столе – закуска, много фруктов, шампанское.

СЕРЕБРЯКОВ. Ну как ты, родная?

СЕРЕБРЯКОВА. До сих пор не могу опомниться. Не могу поверить. Подумать только: двадцать пять дней.

СЕРЕБРЯКОВ. Двадцать четыре.

СЕРЕБРЯКОВА. Ну, двадцать четыре. Какая разница. Разве этого мало? Ты посмотри, во что я превратилась.

СЕРЕБРЯКОВ. Я собирал деньги. Ударил кризис. Инвесторы ушли. Заказчики отказались. Бизнес рухнул. Не могу сказать, что мы нищие, но недалеко от этого. Никто денег не занимает. Кредиты под огромные проценты. Пока я выбивал...

СЕРЕБРЯКОВА. Пока ты выбивал, я сидела на овсяной каше, от которой меня тошнит.

СЕРЕБРЯКОВ. А кефир?

СЕРЕБРЯКОВА. Ага, кефир, обезжиренный, разбавленный водой.

СЕРЕБРЯКОВ. Это они разбавляли. На еде экономили.

Она тянется за фруктами. Ест яблоко, апельсин, бананы.

СЕРЕБРЯКОВ. Ты сразу на еду не набрасывайся.

СЕРЕБРЯКОВА. Фрукты можно. Я соскучилась по ним.

СЕРЕБРЯКОВ. Всё равно. Осторожней. Не объедайся.

СЕРЕБРЯКОВА. Легко сказать – не объедайся.

СЕРЕБРЯКОВ. Я тебя понимаю.

СЕРЕБРЯКОВА. Как ты можешь понять?! Для этого надо просидеть в подвале. Ночи тянутся бесконечно. Да и дни. Если бы не этот, который оказался неплохим шахматистом, я со скуки померла бы. И ещё тренажёры. Они же меня в тренажёрном зале держали.

СЕРЕБРЯКОВ. Ты знаешь, дорогая, я это вижу по твоей фигуре.

СЕРЕБРЯКОВА. Что хочешь сказать – похудела?

СЕРЕБРЯКОВ. Не то слово.

СЕРЕБРЯКОВА (*смотрясь в зеркало*). Дай-ка примерю платье.

Надевает одно, потом другое, третье.

Висят, как тряпки. Да. Придётся покупать всё новое.

СЕРЕБРЯКОВ. Не объедайся, говорю. Мы скоро в ресторан идём.

СЕРЕБРЯКОВА. Не волнуйся. В ресторане тоже буду есть. Только в чём в ресторан идти? Совсем нечего надеть. (*Становясь на весы, присвистнув*). На восемнадцать килограмм! Ты представляешь? Я похудела на 18 кг! Вот это рекорд!

СЕРЕБРЯКОВ (*разглядывая её*). Слушай, да у меня только сейчас глаза открылись. Ты же похудела!

СЕРЕБРЯКОВА. Я же говорю: на 18 кг.

СЕРЕБРЯКОВ. Фантастика! Ты сравни, какая ты была (*показывает на фотографию на стене*) пампушка. И какая ты сейчас. Просто прелесть. Милая, ты королева красоты. Как тебе это удалось?

СЕРЕБРЯКОВА. Попереживай так, как я, посиди на овсянке...

СЕРЕБРЯКОВ. И кефире.

СЕРЕБРЯКОВА. Да что ты привязался с этим кефиром. А тренажёры? Я как чумная, от злости педали вертела. А ты всё деньги собирал. А я педали вертела. А теперь мне в ресторан надеть нечего.

Серебряков роется в шкафу.

СЕРЕБРЯКОВ. Слушай, Ленуська. А вот это платье тебе не подойдёт?

СЕРЕБРЯКОВА. Что за платье?

Рассматривает платье.

Господи. Да ему пятнадцать лет. Я тогда двадцатилетней дурёхой была. Это же ещё до замужества.

СЕРЕБРЯКОВ. Ну, дурехой ты никогда не была, иначе бы за меня замуж не пошла. А платье это я берегу. Оно мне дорого. Помнишь, когда мы с тобой первый раз в Царское село поехали? Пешком шли из Екатерининского парка до Павловска нижним парком... Помнишь?

СЕРЕБРЯКОВА. Ещё бы не помнить тот день.

СЕРЕБРЯКОВ. Шли, останавливались... И всё время целовались.

СЕРЕБРЯКОВА. Да, прекрасный был денёк.

СЕРЕБРЯКОВ. Ленка, как мы с тобой целовались!

СЕРЕБРЯКОВА. Да, это мы умели.

СЕРЕБРЯКОВ. Не понял, что значит умели. Почему в прошедшем времени? А сейчас... да я тебя...

СЕРЕБРЯКОВА. Нет, милый, давай после ресторана. Мне надо в себя прийти.

СЕРЕБРЯКОВ. Приходи. Платье померь. Ты в тот день была в этом платье. Оно моё любимое.

СЕРЕБРЯКОВА. Бог ты мой, пятнадцать лет назад!

СЕРЕБРЯКОВ. Какая у тебя была фигурка! Впрочем, что это я? Что значит была? Нет, то, что ты видишь на стене – это не ты. Не ты! Ты – вот она. В этом платье. Ты – та, которая сейчас передо мной! Надень это платье.

СЕРЕБРЯКОВА. Сейчас? Надеть?

СЕРЕБРЯКОВ. Надевай.

Серебрякова надевает.

СЕРЕБРЯКОВА. Не могу поверить, Костя. Но оно мне как раз.

СЕРЕБРЯКОВ. Ты посмотри на себя в зеркало, полюбуйся. Ты же красотка, как будто не было этих пятнадцати лет. Потрясающе!

СЕРЕБРЯКОВА (*крутясь перед зеркалом*). Действительно, я себя не узнаю. Правильно говорит русская пословица: нет худа без добра.

Он берёт фотоаппарат, делает снимки. Звонок в дверь. Серебряков идёт открывать возвращается с Беляевым.

СЕРЕБРЯКОВА (*застыв, испуганно*). Что это? Это же он!!!

СЕРЕБРЯКОВ. Кто?

СЕРЕБРЯКОВА. Тот человек из подвала. Похититель. Который меня овсянкой кормил. И в шахматы играл со мной. Ты что не отдал ему деньги?

СЕРЕБРЯКОВ. Успокойся, милая. Я должен тебе кое-что объяснить. Этот человек – Беляев Алексей Борисович. Познакомься.

БЕЛЯЕВ (*разводит беспомощно руками*). Извините Елена Аркадьевна. Так получилось.

СЕРЕБРЯКОВА. Что получилось? Что происходит? Я звоню в полицию.

Берёт телефон, набирает номер.

СЕРЕБРЯКОВ (*удерживая её*). Погоди, Леночка. Дай объясниться. Сядь. Не волнуйся. И выслушай. Не только Алексей Борисович, но и я должен перед тобой извиниться. И я – в первую очередь. Твоё похищение было организовано...

СЕРЕБРЯКОВА. Им, я знаю, он мне сказал.

СЕРЕБРЯКОВ. Да нет, моя родная, не им – мною.

СЕРЕБРЯКОВА. Тобою?! Я не ослышалась?!

СЕРЕБРЯКОВ. Не ослышалась. Мною.

СЕРЕБРЯКОВА. И ты так спокойно об этом говоришь?!

СЕРЕБРЯКОВ. Не спокойно, разумеется: я очень волнуюсь. Понимаю, каково тебе сейчас, вхожу в твоё состояние. Но и ты войди в моё.

СЕРЕБРЯКОВА. Мне войти в твоё? Как это понимать?

СЕРЕБРЯКОВ. Попробую объяснить. Всё началось с того, только ты не злись, не швыряйся в меня фруктами, тарелками и прочее. Не будешь? Я вижу, ты уже злишься.

СЕРЕБРЯКОВА. Говори.

СЕРЕБРЯКОВ. Алексей Борисович... Может, вступитесь?

БЕЛЯЕВ. Нет уж, вы сами. Я – человек со стороны. Я могу наблюдать.

СЕРЕБРЯКОВА. Ты будешь говорить?

СЕРЕБРЯКОВ. Всё началось с того, что ты, будучи потрясающе красивой девушкой, последние семь лет стала превращаться в толстую бабу.

СЕРЕБРЯКОВА. Что? Что ты сказал?

Хватает с вазы апельсины, яблоки, бананы, швыряет ими в Серебрякова. Тот пытается уклониться, прячется за столом. Беляев искренне хохочет. Несколько бананов полетели и в него.

СЕРЕБРЯКОВ. Как говорить, когда ты дерёшься?

СЕРЕБРЯКОВА. Хорошо, успокоилась. Говори.

СЕРЕБРЯКОВ. Говорю, что ты стала толстеть.

СЕРЕБРЯКОВА. Все женщины толстеют. У нас природа такая.

СЕРЕБРЯКОВ. Не все. Многие остаются прежними даже после родов. А ведь ты даже не рожала и уже растолстела.

СЕРЕБРЯКОВА. Понятно. Тебе это не нравится.

СЕРЕБРЯКОВ. Дело не в этом. Ты мне нравишься, даже будучи пампушкой. Но ты потолстела на двадцать кг.

СЕРЕБРЯКОВА. На восемнадцать.

СЕРЕБРЯКОВ. Хорошо, на восемнадцать. Стала мало двигаться, сидела за компьютером. А болезни? Ты ведь стала

то и дело по врачам ходить. Это из-за малоподвижного образа жизни, из-за злоупотребления едой. А ведь ты была такая умница. Нет, ты и сейчас известный человек в шахматном мире.

СЕРЕБРЯКОВА. Не знала.

СЕРЕБРЯКОВ. Потому что забросила шахматы, так ведь, Алексей Борисович?

БЕЛЯЕВ. Пожалуй, так. Но я скажу больше, Елена Аркадьевна. Вы... впрочем, не пора ли объяснить, как она оказалась в подвале.

СЕРЕБРЯКОВА. Да, как? Объясните, пожалуйста.

БЕЛЯЕВ. Как-то мы встретились с вами и вашим мужем на вечеринке. Вы меня не запомнили, там было много народу. А я про вас многое узнал.

СЕРЕБРЯКОВА. Интересно, что же?

БЕЛЯЕВ. Самое главное: я за вами следил, когда вы ещё были молодой девушкой. Вы же с детства отличались способностью к игре в шахматы, были неоднократно победителем на чемпионатах среди юниоров.

СЕРЕБРЯКОВА. Да, было такое.

БЕЛЯЕВ. Я показывал ваши шахматные партии большим шахматистам, и все в один голос говорили, что вас отличает не просто талант, а... ну, не хочу произносить этого слова, но вы могли бы быть на уровне гениальности. Ваши ходы были совершенно оригинальны, непредсказуемы, я бы даже сказал парадоксальны. И вдруг – вы забросили шахматы. Очень

напоминает ребёнка-вундеркинда, который вырастая, вдруг перестаёт им быть, и порою становится самым обычным человеком. Но вы – необычный. Вы иногда в журналах решали шахматные задачи, и благодаря вашему супругу, который мне их показывал, я эти ваши решения изучал. Решали вы эти задачи шутя. Вот что меня поразило, и я понял, что вас надо вытаскивать из вашего болота. А тут вы ещё и растолстели...

Серебрякова замахивается на него апельсином.

Извините, поправились. И мы с вашим мужем подумали, чем помочь вам и нам. Вам – похудеть, перестать болеть, а нам... Вы понимаете. Видите, как влюблённо смотрит на вас муж. Что говорить про мужа: я в вас за это время, что держал в подвале, я в вас влюбился. А интеллект. Как быстро вы восстановили способности к игре. Мы чуть ли не по семь часов играли каждый день.

СЕРЕБРЯКОВА. Неужели? А я как-то...

БЕЛЯЕВ. Ну, вы же о другом думали, о свободе. А я о наших тренировках.

СЕРЕБРЯКОВА. А голодом зачем меня морили?

БЕЛЯЕВ. Ну, овсянка, кефир – это супердиета. Посмотрите, как вы сбросили вес. По-другому вас бы не заставили.

СЕРЕБРЯКОВ. Нет, по-другому бы не получилось. Сколько я тебя уговаривал в бассейн, на тренажёры, пешие про-

гулки за город, как раньше. Ты только ела и сидела за этим проклятым компьютером. И у телевизора.

БЕЛЯЕВ. Да, это был грех ваш: зарывать потрясающий талант в землю. Муж ваш и я – мы придумали такой план. И думаем, он нам удался. Если, конечно, вы не будете на нас долго злиться.

СЕРЕБРЯКОВА. Буду.

БЕЛЯЕВ. Ладно, злитесь. Но посмотрите ещё раз на себя в зеркало, Елена Аркадьевна. Вы помолодели лет на двадцать, к вам вернулась ваша красота, вы в этом платье, как двадцатилетняя девушка. С вами опасно в ресторан идти. Вы будете нарасхват.

СЕРЕБРЯКОВА. Пойте, пойте. Что, правда, вам нравилось со мной играть?

БЕЛЯЕВ. Да не то слово – нравилось. Я не мог дождаться того часа, когда мы с вами расставляли фигуры. Но главное, что я выдвинул вашу кандидатуру на женский чемпионат по шахматам в Монако. Её сейчас рассматривает шахматная комиссия. Он будет через пару месяцев. Вы согласны? Да или нет? Надеюсь, вы меня не огорчите? Ведь да?

СЕРЕБРЯКОВА. Давайте я дам вам ответ после того, как сытно поужинаю в ресторане.

СЕРЕБРЯКОВ. Дорогая, только не начинай толстеть. А то нам придётся придумывать с Алексеем Борисовичем новое похищение.

Горячий, горячий, слишком горячий

Действующие лица:

Еришов Александр

Еришова Людмила, жена Еришова Александра

Фёдор Милашкин, друг Еришова и его напарник по работе

Цыганка

Сцена первая:

Квартира Еришовых. В центре комнаты висит боксёрская груша, которую молотит Еришов. Еришова, молодая симпатичная женщина укладывает вещи в сумку. Входит Фёдор Милашкин.

ФЁДОР. Готов. Можно ехать.

ЕРШОВ (*оставив грушу*). Собрала?

ЕРШОВА. Собрала.

ЕРШОВ. Ладно. Поехали. Ну, ты это... Люся, ты знаешь.

ЕРШОВА. Что знаю?

ЕРШОВ. Не притворяйся. Смотри у меня. Если что... ты меня знаешь.

ЕРШОВА. Да что ты заладил: «Если что, если что...». Что за глупая ревность? Я хоть раз повод тебе подала? Фёдор, скажи ему.

ФЁДОР. Да сто раз говорил.

ЕРШОВ. Что ты говорил? Это я говорю: «Нынешним бабам доверять, что дикому коту доверить голубя».

ФЁДОР. Брось, Ёршик, твоя – не такая. Она у тебя ангел.

ЕРШОВА. Ну, слышал, что люди говорят?

ЕРШОВ. Люди разное говорят. Говорят, что в Москве курдят.

ФЁДОР. Ну, бывает...

ЕРШОВ. Чего бывает? Бывает и корова летает. Ты мне зубы не заговаривай.

ФЁДОР. А я тебе говорю – ангел и вообще...

ЕРШОВ. Что вообще?

ФЁДОР. Ну, вообще.

ЕРШОВ (*начиная кипятиться*). Нет, ты уточни. Что вообще? Мне не нравится это твоё «вообще», когда дело касается Люськи.

ЕРШОВА. Какой-то ненормальный ревнивец.

ЕРШОВ. Да? Ненормальный? А помнишь, я прихожу домой после смены, а у тебя мужик сидит, чай пьёт?

ЕРШОВА. Да какой мужик? Что ты выдумываешь?

ЕРШОВ. Не выдумываю; мужик, которого ты с улицы

привела и чаем поила. С мёдом и бубликами. Мёд то, между прочим, дорогой, с пасеки Архипа, того самого, от которого жена удрала к любовнику. Архип то потом чуть не повесился от горя. Вот какие вы, нынешние жёны!

ЕРШОВА. Слушай, Ёршик, что ты заладил: мужик, мужик. Да никого я не приводила. А тому старичку 75 лет было.

ЕРШОВ. Вот. Был ведь мужик? С улицы...

ЕРШОВА. Дедушка. И что значит, с улицы? Ему плохо стало. Возле нашей парадной. Я ему помогла.

ЕРШОВ. Но ведь был мужик. Ну и что, что 75. И в 75 бывают такие, что молодым фору дадут. Вон Чарли Чаплин у своего сына увёл 17 летнюю невесту и кучу детей с ней наделал. А наш Олег Табаков: в 70 лет дочку забабахал, а жена то его – твоя ровесница. Да мало ли таких умельцев. Старый конь борозды не испортит.

ЕРШОВА (*насмешливо*). Но и глубоко не вспашет.

ЕРШОВ (*вскипев*). Нет, ты мне это брось, Люська. Никаких мужиков. Если плохо – скорую вызывайте. Ну, ты поняла. А тот мужик, который у тебя тут на кухне был, когда я на день раньше вернулся... а?

ЕРШОВА. Так это же сантехник был.

ЕРШОВ. Знаем мы этих сантехников. Зачем вызывала? Говорил же: сам починю.

ЕРШОВА. Да. Дождёшься. Ждала бабка, когда опять девкой станет. Ты мне стул обещал починить, два года на балконе валяется. Мы чуть соседей не залили. Пришлось бы ещё

за ремонт платить. Так что нечего попусту заводится. Тоже мне, Ярил – сам себя взъярил.

ЕРШОВ. Да, я ревную, потому что люблю.

ЕРШОВА. Уж больно ты горячий, правда, Федя?

ФЁДОР. Горячий, очень горячий. Ума бы ещё маленько.

ЕРШОВ. Но ты, Федька, поговори у меня. Тоже мне, напарник. Снеси яйцо, а потом кудахтай. *(В сердцах бьёт грушу)*. Поехали. Ох, не люблю я тебя оставлять одну. Сердце всегда не на месте.

ЕРШОВА. Ну и глупо. Был бы повод.

ФЁДОР. То, что она у тебя красotka – это точно. Ох, мечта голубоглазая.

ЕРШОВ. Ладно, поехали, мечтатель.

Берёт сумку, целует жену, грозит ей кулаком. Покидают квартиру.

Сцена вторая.

В кафе. Еришов и Фёдор за столиком едят.

ФЁДОР. Да чего ты такой хмурый сегодня? Что на тебя нашло?

ЕРШОВ. А чёрт его знает. Вот сердце у меня не на месте.

ФЁДОР. Почему не на месте? Сам себя травишь. Люсеньку, такую хорошую, сердишь.

ЕРШОВ. Да вот, как мы с тобой гоним этот рефрижератор проклятый, так у меня душа ноет.

ФЁДОР. Чего ноет? Не на месяц, не на год уезжаем. Вот она, Финляндия, рядом. Через три дня опять дома будешь.

ЕРШОВ. Да? А эти три дня?

ФЁДОР. Опять он за своё. Смотрел этого, ну, в театре, как его, Мольер, кажется. Я недавно видел. Про тебя спектакль.

ЕРШОВ. Что ты врёшь. Про меня?

ФЁДОР. Ну да, «Мнимый рогоносец», кажется, называется. Очень смешной спектакль. Мольер его так размольерил.

ЕРШОВ. Кого?

ФЁДОР. Да этого рогоносца.

ЕРШОВ. А я здесь при чём?

ФЁДОР. А он как ты, мнил, что он рогоносец, а на самом деле им вовсе не был. Ну, как с твоей Люсей.

ЕРШОВ. Слушай, ты Люську сюда не мешай. Я тебе про Фому, а ты мне про Ерёму.

ФЁДОР. Чего ты всё злишься?

ЕРШОВ. Да ты масла в огонь подливаешь. Я и так боюсь, что она уже с мужиком.

ФЁДОР. Да ты чего? Мы и двух часов не проехали.

ЕРШОВ. Ты баб не знаешь.

ФЁДОР. Да на кой ей какой-то, когда у неё есть ты?

ЕРШОВ. Вот и видно, дурень, что ты баб не знаешь. Они

такие. Кидаются тебе на грудь, а сами, пока ты их обнимаешь, через твоё плечо зырк-зырк глазами, кого бы ещё рассмотреть.

ФЁДОР. Да что же им одного мужика, что ли, мало?

ЕРШОВ. А то? Из чего, ты думаешь, я так колочусь? Видел, сколько возле одного цветка шмелей роится? Вот так и баба. Нет, чую я, сегодня это добром не кончится. Что-то мне говорит, что Люська задумала что-то.

Швыряет вилку, бьёт кулаком по столу.

ФЁДОР. Ёрш, дай-ка, я сейчас за руль сяду. Ты весь кипятком брызгаешь. Ещё врежемся куда-нибудь.

ЕРШОВ. Помолчи.

ФЁДОР. Зря ты так горячишься. У тебя жёнка классная. Все наши тебе завидуют.

ЕРШОВ. Наши? А они откуда знают?

ФЁДОР. Во даёт. Сам же в гараже рассказываешь. Как приходишь, как она тебя встречает, на грудь тебе кидается. Ох, хорошо.

ЕРШОВ. Что хорошо?!

ФЁДОР. Ну, это, на грудь кидается и вообще...

ЕРШОВ. Да, блин, что такое это вообще?

ФЁДОР. Я иногда представляю: прихожу с мороза голодный, скукоженный, стучу зубами и вдруг в постель... к такой красатуле, как твоя жена.

ЕРШОВ. Фёдор! Я тебе сейчас врежу!

ФЁДОР. Да я ведь только так, мечтаю.

ЕРШОВ. Мечтай про какую-нибудь другую!

ФЁДОР. Не понимаю, что с тобой сегодня? Злой, как голудный ворон. Так и кажется, что сейчас глаз выключешь. Сижу себе, никого не трогаю, мечтаю и вообще.

ЕРШОВ. Слушай, Федя, не нравится мне это твоё вообще.

ФЁДОР. Ну, как хочешь. Компот будешь?

ЕРШОВ. Не буду.

ФЁДОР. Можно я допью?

ЕРШОВ. Пей. И запомни: я скорее к чукчам оленем работать наймусь, чем твою белобрысую башку на своей подушке увижу.

ФЁДОР. А вот про чукчей ты зря. Зря, Ёршик. И все эти анекдоты про чукчей – это глупость. Очень, между прочим, симпатичный народец. Хар-роший!

ЕРШОВ. Да? И чем же он хороший?

ФЁДОР. А добротой своей. Очень добрый народ. Между прочим, жён своих предлагают, не то, что некоторые.

ЕРШОВ. Во как! Очередной анекдот?

ФЁДОР. Какой анекдот? Вот почитай.

Фёдор вытаскивает из-за пазухи газету, завёрнутую в полиэтилен. Разворачивает.

Читай, если не веришь. Вот, в Чукляндии случай был, в

посёлке нашли не то обмороженного, не то замороженного путешественника. Врачи бессильны были вернуть его к жизни, и тогда местные жители прибегли к старинному испытанному средству: двое чукчей предложили своих жён, те легли по обеим сторонам замороженного и не только отогрели его своими обнажёнными телами, но и подарили через девять месяцев мужьям по очаровательному белолицему малышу. И мужья были на седьмом небе от радости. Понял?

Показав статью, бережно сворачивает газету, засовывает её за пазуху.

ЕРШОВ. Понял, Только я тебе не чукча. Ладно. Пустые речи и слушать неча.

ФЁДОР. Слушай, Ёршик, откуда ты этого всего понахватался?

ЕРШОВ. Чего этого?

ФЁДОР. Ну вот этого: у тебя, что ни слово, то поговорка, а два – пословица.

ЕРШОВ. Бабуля у меня была говорунья, веселушка, сыпала пословицами, как горохом: «Ешь, пока живот свеж; завянет – ни на что не взглянет», «Жили деда, не знали беды, пришли внуки – поприяли муки», «Сел в лужу, несмотря на стужу». Да что она?! А вот дед её – она рассказывала – вот кто был мастер, словесный виртуоз, такие кренделя выделял, что народ только рот разевал. Литераторы приходили к

нему учиться.

ФЁДОР. Учёный, что ли, был?

ЕРШОВ. Да какой учёный?! Краснодеревщик, из простого народа, как мы с тобой.

В кафе входит цыганка. Оценив обстановку, подходит к двум прилично одетым водителям и усаживается рядом.

ЦЫГАНКА. Молодой красивый, давай погадаю.

ЕРШОВ. Спасибо, не надо.

ЦЫГАНКА. Красивый влюблённый, зачем рукой ма-
нешь? Погадаю, всю правду скажу.

ЕРШОВ. Хорошо поёшь, а перестанешь – лучше станешь.

ЦЫГАНКА. По глазам вижу: мучаешься. Непокойно на
душе. Жёну-красавицу дома оставил, далеко едешь, сердце
болит, тоска душит.

ЕРШОВ (*удивлённо*). Откуда ты знаешь?

ЦЫГАНКА. Давай руку, дальнотойщик. Сюда положи
деньги, не скупись. Лучше меня никто не гадает.

Ершов протягивает ей купюру. Мельком гадалка взглянула на купюру и та исчезает у неё в кармане юбки.

ЦЫГАНКА. Мало, ещё давай.

ЕРШОВ. Обойдёшься!

ЦЫГАНКА. Зачем грубишь? Я тебе не экстрасенс. Они

все жулики. Я – честная женщина. Только правду.

ЕРШОВ. Хорошо. Вот ещё сто.

Ещё одна купюра исчезает в кармане цыганки. Она внимательно разглядывает ладонь Ёришика. Качает неодобрительно головой.

ЦЫГАНКА. Вижу, очень расстроен. Очень. Есть причина. Правильно расстроен. Золотой красивый, зачем жену бросаешь? Ай, Ерёма, сидел бы ты дома! Разве красивую женщину одну оставляют? Ай, дальнобойщик?

ЕРШОВ. А что?

ЦЫГАНКА. Деньги большие будут, а с женой большие проблемы будут.

ЕРШОВ. А что, что? Какие такие проблемы? Говори, что?

ЦЫГАНКА. Третьим будешь, вот что.

ЕРШОВ. Кто третьим будет?

ЦЫГАНКА. Ты будешь, дорогой.

ЕРШОВ. Где третьим буду?

ЦЫГАНКА. В постели жены своей красавицы.

ЕРШОВ. Третьим?!

ЦЫГАНКА. Да. Третьим.

ЕРШОВ. Я?!!

ЦЫГАНКА. Ну не я же, жемчужный мой.

ЕРШОВ. А кто будет вторым?

ЦЫГАНКА. Вторым не знаю, но вижу: ты – третьим.

ЕРШОВ. Когда?

ЦЫГАНКА. Скоро. Сегодня. Нельзя оставлять надолго красавиц.

Схватив цыганку за руки, Ёриш с такой силой её трясёт, что, забренчав, её монисто посыпалось на пол.

ЕРШОВ. Кто второй? Кто второй? Отвечай, проклятая баба!

ЦЫГАНКА. Ай, бешеный! Отпусти. Отпусти, говорю.

ЕРШОВ. Кто второй?

ЦЫГАНКА. Откуда я знаю, кто у неё там сейчас. Знаю, что он есть или вот-вот появится. Ай, какой ты сердитый, дорогой. Зачем такой горячий, прямо, как цыган. Мой муж цыган не был такой горячий, как ты. У тебя, случайно, в роду цыган не было?

ЕРШОВ. Не было у меня никаких цыган. Давай карты бросим. Они скажут. Бросай!

ЦЫГАНКА. Деньги надо, бриллиантовый. Без денег карты молчат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.